

Панаев Иван Иванович

Львы в провинции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Иванович П.**
Львы в провинции / Панаев Иван Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 430 с.

ISBN 978-5-521-27177-1

ISBN 978-5-521-27177-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

РОМАНЪ ВЪ ТРѢХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

— Это было въ мою первую поѣздку за границу, говорилъ своимъ слушателямъ невысокій, худощавый, плѣшивый, но живой и бойкій старичокъ, протяжно и съ разстановками, стараясь придавать выпуклость и вѣсъ каждому своему слову, и глубокомысленно щуря, а въ мѣстахъ самыхъ эффектныхъ совѣтъ закрывая свои маленькія глазки.

Слушателями плѣшиваго старичка были: старушка съ пріятнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, шедшая длинными деревянными спицами, потому что она занималась вязаніемъ шерстяного одѣяла или шарфа; дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ чертами не совѣтъ правильными, но привлекательными и съ густой темной косой, занимавшаяся шитьемъ, — и какой-то господинъ съ круглымъ и рябоватымъ лицомъ, съ густыми, коротко обстриженными и торчащими на головѣ волосами, безъ малѣйшаго признака бѣлья, въ сюртукѣ ниже коленъ, безпрестанно моргавшій глазами и не занимавшійся никакой работой.

Двое изъ этихъ слушателей — старушка со спицами и рябоватый господинъ, моргавшій глазами, были очень внимательны къ рассказчику и, по видимому, вѣрили каждому его слову съ тою безусловною вѣрою, съ какою полуграмотные люди вѣрятъ каждой печатной строчкѣ. Дѣвушка, кажется, мало обращала вниманія на рассказы словоохотливаго старичка и очень усердно занималась своимъ шитьемъ; только изрѣдка поднимала она голову отъ своей работы, взглядывала на старичка, и въ эти минуты налицѣ ея едва замѣтно мелькала улыбка, обнаруживавшая, можетъ быть, противъ ея воли, что рассказы его не возбуждали въ ней большого довѣрія.

— Такъ вы, батюшка, были еще два раза за границей? спросила старушка, останавливая свои спицы.

— Три, отвѣчалъ старичокъ, значительно щуря свои глазки, и потомъ, медленно поднимая вѣки, продолжалъ: — въ первый разъ я ѣздилъ.... ну, мнѣ тогда было лѣтъ девятнадцать.... съ княземъ Кириломъ Андреичемъ Свѣтлозерскимъ — дѣдомъ вотъ нынѣшняго Павла Андреича. Второй разъ я ѣздилъ одинъ, съ своимъ мальчикомъ... Надобно вамъ сказать, что у меня былъ мальчикъ Петрушка, великій мастеръ варить шоколадъ.... вотъ объ этомъ-то я и рѣчь веду.... Ну, а въ третій разъ.... Старичокъ нѣсколько замаялся и прибавилъ не совѣмъ внятно: — а въ третій разъ я ѣздилъ, кажется, лѣтъ пять назадъ тому.

— А вѣдь я думала, что вы только въ Петербургъ тогда ѣздили?

— Точно, я поѣхалъ въ Петербургъ, ну, а изъ Петербурга прямо на пароходъ, да и въ море. Осень была тогда бурная, качка страшнѣйшая; всѣ переболѣли морскою болѣзнію; такъ вотъ и валяются по палубѣ; одинъ я уцѣлѣлъ; преспокойно ѣлъ, пилъ и разхаживалъ по пароходу точно какъ у себя въ Соколовкѣ.

— Скажите пожалуйста! замѣтила съ удивленіемъ старушка, качая головой.

— Удивительно-съ! замѣтилъ въ свою очередь рябоватый господинъ.

Старичокъ не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти восклицанія, продолжалъ тѣмъ же ровнымъ и мѣрнымъ голосомъ и значительнымъ тономъ:

— Ну такъ вотъ, какъ я вамъ ужь сказалъ, это было во вторую мою поѣздку. Приѣзжаю въ Венецію, нанимаю квартиру не подалеку отъ площади св. Марка. Квартира удивительная: комнаты, высота комнатъ, — все это грандіозно; въ этомъ *palazzo*, какъ я узналъ впоследствии, жила фаворитка передъ-последняго дожа. Надобно вамъ сказать, что мнѣ надавали бездну рекомендательныхъ писемъ ко всей почти европейской аристократіи: черезъ одно-то изъ такихъ писемъ я познакомился... съ маркизомъ Джіованни Пуччи и его семействомъ.

При этомъ старичокъ остановился на минуту, совсѣмъ закрывъ свои глазки.

— Семейство прекрасное, состоявшее только изъ отца и двухъ дочерей, продолжалъ онъ: — старшую звали Сабиной, а меньшую — Авреліей; собою красавицы, высокія, статныя, съ огненными глазами, итальянки чистой, кровной породы. Я съ маркизомъ Джіованни подружился со второго или третьяго свиданія. Мы полюбили другъ друга искренно и не проходило дня, чтобы не видѣлись. Велю, бывало, подать себѣ гондолу, и говорю гондольеру: «къ маркизу Пуччи» да ему, впрочемъ, потомъ и говорить было не нужно: самъ прямехонько, безъ всякихъ приказаній везетъ меня къ мраморнымъ ступенямъ палацца Пуччи.

Старичокъ усмѣхнулся и бросилъ самодовольный взглядъ на своихъ слушателей.

— Или, бывало, сидишь у себя дома, читаешь, занимаешься чѣмъ нибудь, — глядь, а маркизь ужь тутъ, да еще съ обѣими дочерьми; приѣдетъ, бывало, запросто, безъ всякой церемоніи. Ну я имъ велю подать шоколаду, угощаю ихъ, рассказываю имъ про Россію, про наши снѣга, морозы, — и время проходитъ незамѣтно. Маркизь и дочери его заслушивались меня по цѣлымъ часамъ; особенно Сабина интересовалась моими рассказами.

Тутъ старичокъ снова улыбнулся, значительно вздохнулъ и взглянулъ на дѣвушку.

— Сабина была тогда вашихъ лѣтъ, Катерина Павловна.

За тѣмъ онъ остановился опять на минуту, еще вздохнулъ, сжалъ свои тонкія губы, покачалъ головой и прошепталъ:

— Все это прошло!

— Такъ какъ же-съ, то есть на какомъ же это вы языкѣ, Александръ Ивановичъ, съ ними говорили? спросилъ почтительно, спотыкаясь на каждомъ словѣ, рябоватый господинъ.

— На какомъ? разумѣется, на итальянскомъ, отвѣчалъ старичокъ важно и несмотря на рябоватаго господина, который нѣсколько смутился, разинулъ ротъ и произнесъ удивленный длинное «а»!

Александръ Павлычъ спокойно продолжалъ:

— Въ первый разъ, когда маркизъ Джіованни пилъ у меня шоколадъ, онъ обратился ко мнѣ въ совершенномъ изумленіи и спросилъ: «да скажите, пожалуйста, кто это у васъ такъ превосходно варить шоколадъ? Я, признаюсь, нигдѣ и никогда не пивалъ во всей Италіи такого вкуснаго шоколада, не исключая даже и его величества короля Обѣихъ Сицилій». Отгадайте-ка, маркизъ! сказалъ я. — Попробуйте. Бьюсь объ закладъ, что не отгадаете. Этотъ шо-ко-ладъ ва-рилъ мой ма-льчикъ Петрушка; а вотъ вамъ онъ — и на лицо.

Я указалъ маркизу на вошедшаго въ эту минуту Петрушку.

Маркизъ подошелъ къ Петрушкѣ, посмотрѣлъ на него въ лорнетъ, ласково потрепалъ его по плечу и сказалъ ему... ну не помню, что именно, только нѣсколько привѣтливыхъ, лестныхъ словъ.

— Которыхъ вашъ мальчикъ, разумѣется, не понялъ? сказала дѣвушка, улыбаясь и взглянувъ на старичка. — Или, можетъ быть, вы научили маркиза говорить по русски?

— Нѣтъ, отвѣчалъ старичокъ, безъ всякаго смущенія, — но я для ободренія Петрушки, помнится, перевелъ ему тогда слова маркиза.

Разсказъ старичка привелъ въ немалое изумленіе старушку и рябоватаго господина. Старушка даже очень интересовалась узнать о Петрушкѣ, изъ какой онъ именно семьи былъ взятъ и когда, и удивлялась, почему она, которая знаетъ всѣхъ дворовыхъ людей въ Соколовкѣ, совсѣмъ не помнитъ его....

Но мнѣ пора, я думаю, сказать, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и обратить вниманіе читателя на эти лица, потому что они будутъ играть здѣсь немаловажную роль.

Старушка — вдова-помѣщица Бѣлова; ее звали Вѣрой Ивановной. Вѣра Ивановна лѣтъ за десять передъ этимъ лишилась своего супруга, Павла Васильича, который скончался внезапно отъ сильнѣйшаго апоплексическаго удара, или отъ *кондрашки*, какъ

выражался отставной штабъ-ротмистръ Кобеляковъ, ссѣдъ по деревнѣ Вѣры Ивановны, о которомъ еще будетъ говорено въ свое время. Павелъ Васильичъ былъ сложенія необыкновенно тучнаго и склоннаго къ удару; кушалъ очень много, зато на службѣ и движеніи имѣлъ довольно; но, съ тѣхъ поръ, какъ онъ окончилъ свое служебное поприще, женился и поселился въ своей наслѣдственной деревнѣ Березовкѣ, — онъ почти не дѣлалъ уже никакого движенія, а все лежалъ на кушеткѣ, покуривая, изъ коротенькаго чубука съ огромною пенковою трубкою, обвернутою въ замшу, фаллеровскій табакъ, бывшій тогда въ большой модѣ. Павелъ Васильичъ былъ человѣкъ нрава безпечнаго и кроткаго, жилъ съ своей Вѣрой Ивановной, что называется, душа въ душу и прижилъ съ ней въ теченіе своей долговременной, благополучной и безмятежной брачной жизни пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ раннемъ возрастѣ, и осталась въ-живыхъ одна только Катя, — та самая дѣвушка, о которой было упомянуто выше. Такого примѣрнаго согласія въ супружескомъ быту, которое царствовало между Вѣрой Ивановной и Павломъ Васильичемъ, встрѣтить было не очень легко. Ни Вѣра Ивановна безъ Павла Васильича, ни Павелъ Васильичъ безъ Вѣры Ивановны, казалось, рѣшительно не могли существовать. Они жили какъ голубь съ голубкой, какъ Филемонъ съ Бавкидой, или, что всего вѣрнѣе, какъ Аѳанасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной. Когда Вѣра Ивановна бывало бѣгаетъ по хозяйству, потому что хозяйствомъ занималась она одна, Павелъ Васильичъ, лежа, потягиваясь на кушеткѣ и зѣвая непремѣнно разъ десять въ продолженіе какого нибудь часа, спрашивалъ у набивавшаго ему трубку малаго лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми иглами на бородѣ: «а что, Прошка, гдѣ Вѣрочка?» несмотря на то, что зналъ навѣрное отвѣтъ на его вопросъ: «онѣ на кухнѣ-съ», или «онѣ на гумно пошли-съ», или что нибудь въ родѣ этого. Вѣра Ивановна, впрочемъ, въ пылу хозяйственныхъ заботъ своихъ, не имѣла привычки спрашивать объ отсутствующемъ супругѣ: «а гдѣ же Павелъ Васильичъ?» потому что она навѣрное знала, что Павелъ Васильичъ лежитъ себѣ спокойно въ своей комнатѣ на кушеткѣ; но зато она разъ двадцать въ утро обыкновенно прибѣгала къ нему то съ пирожкомъ, который испекла собственными руками, то съ простоквашей, прося его отвѣдать ея стра-

пни, то съ различными предположеніями по хозяйственной части, и съ распросами: одобрить ли онъ это? хотя она навѣрное знала, что Павелъ Васильичъ безусловно и на все, что она ни придумывала, былъ согласенъ заранѣе. Злые сосѣдніе языки поговаривали, будто Павелъ Васильичъ очень умильно посматривалъ на толстую и высокую, съ огромными руками и ногами дворовую дѣвку Хрестину, но благоразумные люди не вѣрили злымъ языкамъ. Къ тому же эта тѣнь брошена была на Павла Васильича первой губернской сплетницей и тараторкой, г-жей Кобеляковой, толстой не менѣе Хрестины, да и въ добавокъ еще съ бородкой и усиками. Эта барыня рассказывала, что будто бы однажды, когда она ѣхала въ гости къ кому-то черезъ Березовку и проѣзжала мимо огорода, который выходилъ на дорогу, она собственными глазами видѣла, какъ Павелъ Васильичъ, стоявшій въ своемъ халатѣ возлѣ Хрестины, вырывавшей изъ земли морковь или рѣдьку, очень ласково разговаривалъ съ нею. Какъ бы то ни было, но Вѣра Ивановна едва пережила смерть своего Павла Васильича, и то вѣроятно потому только, что у нея осталась на рукахъ осмилѣтняя Катя. Послѣ кончины Павла Васильича любимымъ мѣстомъ ея отдохновенія сдѣлалась та самая, очень неудобная впрочемъ, кушетка, на которой онъ обыкновенно покоился, и которую неутѣшная вдова не разъ обливала горькими слезами; а самыми дорогими для ея сердца вещами — его засаленный бархатный халатъ и пенковая трубка въ замѣтъ, съ коротенькимъ чубукомъ. Привязанность Вѣры Ивановны къ дочери, разумѣется, также не имѣла границъ, она любила ее вдвойнѣ: какъ дочь всею горячностью своего кроткаго, нѣжнаго материнскаго сердца, и кромѣ того, какъ единственный плодъ любви, какъ единственное сокровище, оставшееся ей послѣ ея *милаго друга*, какъ она называла покойника.

Жизнь березовскихъ супруговъ всегда безгребовательная и скромная, сдѣлалась еще умѣреннѣе послѣ смерти одного изъ нихъ. «Миѣ теперь ничего не пужно — думала Вѣра Ивановна — безъ него, безъ моего милаго друга, у меня и расходовъ то никакихъ не будетъ; слава тебѣ Господи, по его милости у меня и платья, и салопы хорошіе, и все есть. Да на что миѣ теперь они? куда я стану ѣздить? для кого теперь стану наряжаться? Его ужъ нѣтъ, моего родного!» И при этомъ старушка залива-

лась слезами: «Сберегу, что получше, для моей сиротинки да потомъ перешью ей. Буду копить ей деньжонки на воспитанье да на приданое. Я хоть сама и невоспитанная и неученая, но я знаю, что теперь безъ этого нельзя и не потерплю, чтобы Катя моя была воспитана хуже другихъ.»

И въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Ивановна соблюдала невѣроятную экономію, отказывала себѣ рѣшительно во всемъ, даже въ самомъ необходимомъ, тряслась, какъ говорится, надъ каждой копейкой, хотя отъ природы не имѣла ни малѣйшей скупости — и все для того, чтобы впослѣдствіи ни въ чемъ не отказывать Катѣ.

Для Кати сначала нанята была гувернантка, за довольно значительную цѣну; для нея потомъ выписывались самые лучшіе учителя, какихъ только можно было отыскать въ губернскомъ городѣ. Вѣра Ивановна не жалѣла денегъ ни на книги, ни на наряды для своей Кати. Катя всегда была одѣта какъ куколка и когда она подросла и похорошѣла, Вѣра Ивановна часто глядѣла на нее съ умиленіемъ, а потомъ прижимала ее къ своему сердцу и говорила, обыкновенно со слезами на глазахъ:

— Голубушка ты моя, вотъ бы такъ цѣлый день и не спускала съ тебя глазъ....

И потомъ она гладила ея темные и мягкіе волосы, прибавляя:

— Ты у меня вся уродилась въ покойника папеньку: вотъ точно онъ, голубчикъ мой, живой передо мною.

Это была въ устахъ Вѣры Ивановны самая высочайшая похвала, хотя въ сущности она не могла быть слишкомъ лестною для Кати, потому что покойникъ былъ курносъ, имѣлъ одутловатое лицо и свѣтло-сѣрые глаза на-выкатѣ, безъ всякаго выраженія. Но, къ счастью, Катя и не имѣла ни малѣйшаго сходства съ своимъ родителемъ, и только воображеніе ея матери, ослѣпленной любовію къ покойному, могло находить въ ней это сходство.

Гувернантка Кати — Надежда Кондратьевна, была дѣвши сухая и костлявая, съ продолговатымъ лицомъ, съ горбоватымъ и длиннымъ носомъ и со впалыми щеками, натертыми пудрою. Она имѣла голосъ довольно рѣзкій, но сердце очень мягкое чувствительное, и была величайшая охотница до всякихъ бр

шекъ, цѣпочекъ, браслетовъ, лорнетовъ и проч., которыми достойно украшала себя; и до всякихъ стишковъ, романовъ, мемуаровъ и проч., которые поглощала безъ разбора, съ необыкновенною жадностію и быстротою. Она читала все, что ни попало ей подъ руку: поэмы Байрона и записки Бурьеня, романы Жоржа Санда и Мармонтеля, Диккенса и д'Арленкура; она декламировала на-распѣвъ стихи Пушкина и Бенедиктова и отъ всего приходила въ равный восторгъ. Она, закатывая глаза подъ лобъ, пѣла русскіе и французскіе романсы, слабымъ, но непріятнымъ голосомъ, и поражала не только добрую Вѣру Ивановну, но и многихъ ея сосѣдокъ, своимъ прекраснымъ тономъ, своимъ многостороннимъ образованіемъ, своими разнообразными талантами и своими цѣпочками и брошками.

— Какое счастье вамъ, что вы отыскиали такую прекрасную гувернантку, Вѣра Ивановна! говорила ей Алена Ѳедоровна Вязникова, внучка отставной придворной *кастеллиши* и супруга Александра Иваныча, друга маркиза Пуччи, дама необыкновенно изящныхъ манеръ, полная и высокаго роста, картавившая на буквѣ р, говорившая вообще жеманно, едва открывая ротъ, щурившая глаза, безпрестанно смотрѣвшаяся въ зеркало и, несмотря на свои лѣта, державшаяся всегда безукоризненно прямо и державшая въ рукахъ своего супруга.

— Благодарю моего Бога, отвѣчала старушка: — неподобная дѣвушка и такая ученая; а мнѣ еще всего, матушка, что она любитъ мою Катю и ужъ такъ деликатно и кротко обращается съ нею!

Надежда Кондратьевна скоро приобрѣла полную довѣренность Вѣры Ивановны, которая обращалась съ ней не какъ съ гувернанткою, а какъ съ самою близкою родственницею.

— Ахъ, Вѣра Ивановна, у меня до васъ есть большая просьба, говорила однажды Надежда Кондратьевна березовской барынѣ, глядя на нее съ глубокимъ чувствомъ и съ горячіюсію цалуя ей руку.

— Что, матушка? что вамъ угодно? спрашивала старушка.

— Я надѣюсь, что вы исполните мою просьбу, что вы не откажете мнѣ?

— Рада душевно, Надежда Кондратьевна, если только могу....

— Вы можете это сдѣлать, перебила ее гувернантка, нѣсколько нараспѣвъ и продолжая цловать руки старушки: — не называйте меня Надеждой Кондратьевной: зовите просто — Надинной.

И Надежда Кондратьевна устремила на старушку нѣжный, умоляющій взглядъ.

Вѣра Ивановна очень разстрогалась этою выходкою, даже прослезилась немного, и съ тѣхъ поръ звала Надежду Кондратьевну не иначе, какъ Надинной.

Несмотря на то, что образованіе Кати кончилось, то есть, несмотря на то, что она перечитала всѣ стихи, повѣсти, романы и мемуары, которые были прочитаны Надеждой Кондратьевной, — Вѣрѣ Ивановнѣ не приходила въ голову мысль разстаться съ нею. Правда, одна только значительная плата гувернантки приводила ее въ нѣкоторое смущеніе; но и это смущеніе, къ полному удовольствію ея, скоро было устранено самой Надеждой Кондратьевной. Когда ученицѣ минуло девятнадцать лѣтъ, а учительницѣ — тридцать (хотя она и говорила что ей двадцать-пять), то есть ровно за два мѣсяца до начал этого повѣствованія, сердце Надежды Кондратьевны, томившееся жаждою любви идеальной и возвышенной, отыскивавшее нѣжной симпатіи и глубокаго сочувствія, тщетно и сильно бившееся подъ туго-стянутымъ дѣвическимъ корсетомъ, вдругъ совсѣмъ неожиданно нашло отзывъ въ другомъ сердцѣ. Это другое сердце принадлежало двадцати-лѣтнему угреватому круглолицему молодому человѣку, сыну Алены Федоровны, дамы съ изящными манерами, и Александра Иваныча, друга маркиза Пуччи. Угреватый молодой человѣкъ, воспитывавшійся гдѣ-то въ Москвѣ, не имѣлъ терпѣнія дожидаться окончанія курса, преждевременно бѣжалъ изъ храма науки и возвратился подъ крыльшко къ нѣжнымъ родителямъ. Можетъ быть, то было предчувствіе сердца, голосу котораго онъ повиновался болѣе нежели голосу разсудка, потому что былъ поэтъ; какъ бы то ни было онъ зажилъ очень спокойно въ своей Соколовкѣ, въ совершенной праздности, пописывая по временамъ стихи. Здѣсь-то сошелся онъ съ Надеждой Кондратьевной, и двѣ поэтически натуры съ первыхъ свиданій поняли другъ друга. Любовь угреватаго молодого человѣка была вполне идеальная, даже, кажется, болѣе идеальная, нежели желала того Надежда Кондратьевна.

на: онъ въдыхалъ, страстно пучилъ глаза на предметъ своей нѣжности, говорилъ съ ней все о литературѣ и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ даже ни разу не осмѣлился пожать ей ручки, хотя и неоднократно покушался на такой подвигъ, ободряемый Надеждой Кондратьевной. Въ стихахъ же къ ней, которые неудержимо выливались изъ подъ пера его, онъ возвышался до пафоса, переходившаго даже за черту всякаго смысла. Онъ писалъ:

Да, я увѣренъ, что съ тобою
На вѣки связанъ я душой,
Что между вѣчностію и мною
Возстанетъ дивный образъ твой!

И читая ей эти стихи, онъ не осмѣлился даже намекнуть, къ кому они писаны; да и для чего, впрочемъ, было дѣлать такіе намеки? она очень хорошо понимала, о комъ тутъ идетъ рѣчь, и была необыкновенно счастлива.

Какже можно было ей покинуть эти мѣста,—эти *дивныя*, какъ она выражалась, мѣста, гдѣ на тридцать-первой веснѣ ея жизни ей такъ заманчиво начала улыбаться любовь, давно когда-то, и то разъ въ жизни, блеснувшая для нея метеоромъ? Къ тому же совершенное спокойствіе, отсутствіе всякаго труда и притомъ даровые кормы, развѣ со всѣмъ этимъ легко разставаться? И вотъ Надежда Кондратьевна подслѣла, однажды послѣ обѣда, къ Вѣрѣ Ивановнѣ, когда въ комнатѣ никого не было, поставила ей подъ ноги скамейку и слегка прикоснулась губами къ ея ногѣ...

— Что это вы, родная моя! вскрикнула Вѣра Ивановна, вскакивая со стула, наклоняясь и обнимая ее.

Надежда Кондратьевна очень крѣпко сжала старушку въ своихъ объятіяхъ.

— Миѣ скоро придется разстаться съ вами и съ Катенькой, проговорила она дрожащимъ голосомъ и всхлипывая: — а эта мысль для меня ужасна! Я привыкла любить и уважать васъ какъ родную мать; я люблю Катю такъ нѣжно, какъ никогда бы не могла любить родную сестру... и послѣ всего этого...

— Да зачѣмъ же намъ разставаться, Надина? возразила старушка, утирая слезы, которыя закапали у нея изъ глазъ. — Я сама такъ къ вамъ привыкла, и миѣ будетъ это тяжело, повѣрь-